

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с Галилея и Ньютона, наука играла неуклонно возрастающую роль в жизни общества. Причем это возрастание затрагивало как технологически-прикладную роль науки, так и общекультурную и мировоззренческую значимость. Этот второй аспект становится проблематичным во второй половине XX века, в свое время академик И.П. Павлов охарактеризовал науку как «орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом». Эта характеристика не устарела и сегодня. Можно, конечно, с ней не соглашаться, пытаться соединить науку с восточной мудростью, с оккультизмом, буддизмом, многими другими «измами», но тогда это будет «другая наука», совсем не то, что понималось и понимается до сих пор под наукой большинством ученых. Причем не надо пытаться выдать эту «другую науку» за продукт новейшего этапа развития человеческого общества, за запрос третьего тысячелетия. Это умонастроение сопутствовало науке с момента ее возникновения.

Тенденции сциентизма и антисциентизма всегда наличествовали в общественном сознании. Так, в конце XIX — начале XX чехов антисциентистская установка нашла яркое выражение в русской религиозной философии, проникнутой пафосом борьбы с позитивизмом. Н. А. Бердяев сравнивал науку со свечой, освещающей лишь ту ступеньку лестницы, на которой она находится и неспособна узреть тот свет, который льется «вершины этой лестницы. Наука действительно не видит льющийся с вершины свет, не видит именно потому, что ничего оттуда не льется: но свою свечу наука постоянно поднимает на все более и более высокие ступени.

Разбирая противостояние сциентизма и антисциентизма, следует отметить, что в переносном смысле первый является всего лишь жупелом, придуманным вторым. Сциентистам приписывается игнорирование ценностей, лежащих вне сферы науки. Сциентист якобы признает лишь истину и игнорирует добро и красоту. Но это совершенно неверно. С рели нормальных людей таких уникамов просто нет. Истина, добро и красота имеют равную ценность для любого нормального индивида, их просто не надо смешивать друг с другом, а уметь каждую применить на своем месте.

Другое дело антисциентизм. Это не карикатура, это реально существующее умонастроение, имеющее многообразные проявления и обличил, начиная от дремучих суеверий и кончая утонченными философскими и социологическими примерами.

На ценностный статус науки ведется массивное наступление по двум линиям. Во-первых, подвергается сомнению особый эпистемологический статус науки, автономия как идеал научного знания, объективность научной истины. Во-вторых, широко распространяются в общественном сознании разнообразные анти- и псевдонаучные воззрения (астрология, хиромантия, оккультизм и т. д.).

Первый раздел — «Сохранит ли наука свой ценностный статус в XXI веке?» — открывается статьей С. В. Илларионова «Научный метод как выражение духа науки». Наука характеризуется прежде всего как особый вид знания и деятельность по его получению. В отличие от обыденного познания научное характеризуется прежде всего систематичностью, и эта систематичность носит название Научного Метода. Именно наличие метода ограничивает свободу (а точнее — произвол) деятельности ученого. Эта концепция конституирующей роли метода противостоит другим воззрениям на науку: 1) воззрение, видящее конституирующий фактор в обязательном наличии теории и 2) концепция Куна, усматривающая конституирующий фактор следовании образцу, задаваемому так называемой парадигмой.

В статье Е.А. Мамчур «Останется ли автономия идеалом научного знания» рассматривается вопрос о возможности автономии научного познания в условиях воздействия на него социокультурного окружения. Анализируются дискуссии между философами науки и социологами познания по поводу роли социальных и культурных факторов в объяснении процесса развития науки. Обосновывается мысль, что рационалистически мыслящие философы науки не приемлют социологи и познания, поскольку отождествляют социальное с групповыми интересами, воздействие которых способно деформировать нормальный ход познавательного процесса. Социологи познания трактуют социальное в

более широком смысле слова, понимая его как продукт культуры в целом. Вместе с тем контекстуальный характер научного познания служит социологам познания основанием отрицать автономность научного познания, проповедуя культурный релятивизм. Делается вывод, что реконструкция познания как обладающей относительной автономией возможна при учете существующих в науке парадигмально независимых и кросскультурных критериев рациональности.

Ю. В. Чайковский в статье «Будущая наука алеатика» выдвигает идею о новой дисциплине — науке о случайности (алеатике), в которой обычная теория вероятностей — самая разработанная, но не самая перспективная часть. Прогноз об алеатике делается с помощью идеи (метода) познавательных моделей (ПМ). Первая носила религиозный, эстетический характер (природа и общество понимались как храм). Это донаучная (нулевая) модель. Первая научная — семиотическая — мир как текст. Вторая — механическая ПМ — мир как механизм. Третья — статистическая ПМ, ее модельные объекты — весы и бухгалтерский баланс. Четвертая — системная ПМ — во всем видит целостность, уподобляет мир организму. Пятая — диатропическая ПМ — видит в мире прежде всего разнообразие. Эта модель едва нарождается, но может стать моделью науки начала XXI в. И, наконец, возможно, появится шестая — пропенсивная ПМ — мир как система предпочтений и склонностей. С позиций этих ПМ рассматривается проблема случайности и перспективы общей науки о ней алеатики.

Статья В. В. Казютинского «Истина и ценность в научном познании» отвергает точку зрения, согласно которой понятие истины устарело и корреспондентная теория истины как соответствия знания реальности «мертва». Вводится понятие идеала научной истины, соответствующее классическому, не классическому и постнеклассическому типам научной рациональности. Рассматриваются эпистемологические, философско-антропологические, социокультурные факторы, которые вызвали кризис классического идеала истины и породили сомнения в ценности научного знания. Проанализировано современное состояние теорий истины: корреспонденткой, когерентной, конвенционалистской, прагматистской, теории истины как «непотаенности» бытия (М. Хайдеггер). Сделан вывод о необходимости различения философских оснований этих теорий и самого их содержания, которое может включаться в различные философские контексты. Показано, что современная культура сформулировала представление о множественности типов истины (религиозные, философские, научные, художественные, истины обыденного сознания и другие).

Выход из тупика, которым характеризуется состояние проблемы истины в современной науке, по мнению автора, состоит, в изменении подхода к этой проблеме. Представленный сейчас недостаточно связанными между собой исследованиями в рамках различных дисциплин, этот подход должен стать междисциплинарным, так как механизмы формирования нового знания во многом обусловлены процессами в бессознательных сферах человеческой психики, биологическими и генетическими факторами, которые опосредуют взаимодействия человека и мира. Только раскрыв во всей сложности генезис истин разных типов (как целостной истины, задаваемой целостностью человека), можно надеяться на серьезный прорыв в этой области.

В статье анализируется новый смысл идеалов истины в неклассической и постнеклассической науке. В постнеклассической науке происходит сближение идеалов истины и ценности, истины и блага. Анализируя проблемы критерия истины в современной науке, автор подвергает сомнению универсальность тезиса Куна—Фейерабенда о зависимости фактов от объясняющей их теории. Он показывает, что и сейчас эмпирическое знание, получаемое субъектом в эксперименте и наблюдении, в принципе способно объяснить «обратную связь» теории и реальности, хотя проследить всю цепочку от реальности до наиболее абстрактных уровней знаний весьма непросто. В статье предлагается идея эксперимента, способного осуществить выбор между различными концепциями истины (попытка достигнуть взаимопонимания между различными космическими цивилизациями).

М. Л. Ахундов и Л. Б. Баженов в статье «Останется ли наука системой объективного знания?» рассматривают широкий спектр ответов на этот основной для судеб науки вопрос. Как известно, в последние десятилетия значительно усилились атаки на эпистемологический статус науки как системы объективного знания. Наша страна имеет богатый опыт в этом отношении. В годы советской власти предпринимались многочисленные попытки идеологизации науки (наиболее «выдающимся» успехом явилось создание «передовой» мичуринской биологии). Авторы стремятся показать, что модные сегодня на Западе попытки представить науку не как систему объективного знания, а как продукт социального конструирования сродни идеологизации науки в советские годы.

В определенном смысле западные социологи и антропологи науки пришли к тому самому выводу, к которому пришли и мы на основе анализа науки в СССР: идеологизация науки означает конец науки! Разница лишь в том, что, в соответствии с советским опытом, мы можем сказать, что идеологизированные науки возникают как временные социальные уродства о больном обществе (тоталитаризм, имперские амбиции, шовинизм, мессианство и т. д.) и ярким примером такого уродства является «лысенковщина». Что же касается современных западных социологов и антропологов науки, то они считают, что вся наука неизбежно идеологизированна и является формой социального конструирования, соответственно, «лысенковщина» есть не частное уродство, а всеобщая норма. Естественно, они не сравнивают науку с «лысенковщиной», но ведь сравнение с колдовством или магией не намного лучше...

Ю.В. Сачков в статье «Полифункциональность науки» отмечает, что современная наука представляет весьма развивающуюся систему, и ее далеко не достаточно рассматривать как нечто бесструктурное.

Первое, исходное «членение» науки — выделение и ее структуре фундаментальных и прикладных наук. Довольно часто при анализе значимости науки в жизни общества основное внимание обращается на ее прикладные аспекты, на развитие техники и технологии. Основная задача прикладных исследований и рассматривается как непосредственная разработка тех или иных технических систем. Вне техники и технологий невозможен прогресс общества.

Технологическая функция науки — далеко не единственная. Об этом наглядно говорит само наличие фундаментальных наук, Фундаментальные науки не преследуют специальных практических целей, они дают нам знание и понимание принципов строения и эволюции мира, его обширных областей. Тем самым фундаментальные науки дают нам общее мировоззрение, мировосприятие действительности, т. е. воздействуют и на духовное развитие человека.

Существенным образом на развитие человека воздействует и сама форма организации науки. Научная деятельность преодолевает ограниченность разделяющих человечество сил национализма, расизма, и различных политических систем. Исследовательский аспект становится неотъемлемым элементом каждого рационального вида деятельности. Соответственно, научная деятельность содействует единению человечества. Согласно утверждениям одного из величайших физиков XX столетия Нильса Бора, наука должна выполнять великую функцию объединения народов.

Б. И. Пружинин в статье «Фундаментальная наука и прикладное исследование: методологический аспект взаимодействия» исследует сложные и подвижные отношения фундаментальных и прикладных исследований. Прежде всего они отличаются мотивационными установками осуществляющих их ученых. Цель фундаментальной науки — знание о мире как он есть сам по себе, т. е. объективная картина мира. Конечная цель прикладной — предписания производству, т. е. точный «технологический эффективный рецепт. Поиски истинного знания являются для фундаментального исследования целью самодовлеющей; для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью является как раз технологическая эффективность знания. В случае фундаментальной науки перспектива исследований

определяется главным образом задачей выявить и постигнуть новые, т. е. еще не познанные характеристики мира, и лишь внутри этой задачи она может концентрироваться на совершенствовании технических средств и технических возможностей общества. Прикладная наука озабочена как раз расширением технологических возможностей общества и лишь решая вполне определенные практические задачи, как правило, навязанные ей обществом, она может породить и новое знание о мире. При этом спорадически, получаемое в рамках прикладных исследований новое знание отнюдь не рассматривается здесь, как плацдарм для проникновения в новые, еще не познанные области мира, но предстает лишь как средство» решения вполне конкретной практической задачи и потому зачастую может выступать в формах, вообще неприемлемых для продолжения исследований.

Прикладная наука не способна сама развиваться как наука, ибо не способна самостоятельно обеспечить преемственность в развитии знания. Логика ее развития задается извне. Она фактически отказывается от выполнения основной социокультурной функции науки *я*, стало быть, от решения проблем, обеспечивающих ее целостность. Предоставленная сама себе, она неизбежно трансформируется в совокупность технологических сведений. В этой констатации нет ничего оценочного— технологические сведения весьма полезное и древнее культурное образование, они заведомо старше науки, они существовали и развивались тысячелетиями. Но к науке они, строго говоря, прямого отношения не имеют. Механизмы их генерации и обеспечения преемственности в их развитии, их культурные функции, формы их трансляции и прочие характеристики просто иные. Если же при этом предпринимаются попытки сохранить форму науки, мы получаем ведомственную науку, готовую обосновать все, что угодно.

Г. Б. Жданов в статье «Падение престижа фундаментальных наук симптомы, причины и следствия» касается широкого круга вопросов, иногда имеющих лишь косвенное отношение к теме, но тем не менее интересных. Таково, например, обсуждение вопроса о так называемой «эмпирической невесомости теории», с чем автор решительно не согласен и приводит свои аргументы, кстати замечая, что само появление идеи «невесомости» есть своеобразное выражение падения престижа фундаментальных наук. Еще одним проявлением этого падения является образование духовного вакуума в менталитете населения, ослабление и без того не слишком большой роли методов логического, рационального воспитания и убеждения людей. И этот вакуум спешит заполнить (хотя и не только) религия с ее системой заповедей (запретов), сдерживающих антиобщественные тенденции и тем самым повышающих, по идее, социальную стабильность. К сожалению, при столь миротворческой миссии каждая из религиозных конфессий не устает отстаивать свои правила «игры» и веры, вступая нередко в яростные, кровопролитные столкновения с чужеродными конфессиями. И хотя благотворное психологическое действие молитвы (особенно коллективной) сомнений не вызывает, однако исторические факты острых междоусобиц на тему о том, кому и как следует поклоняться и креститься, говорят отнюдь не в пользу религиозных истин. Отметим, что иногда упрекают естествознание в том, что оно навязывает человеку веру в существование единственно верных теорий, в том числе в области рациональной организации общества.

Однако вся история цивилизации показывает, что подобного рода навязывание (причем самими жестокими способами) испокон веков было присуще религиозным учениям, которые умели спускать с цепи инстинкт агрессии ничуть не меньше, чем идеологически выдержанные тоталитарные режимы.

В статье И.А.Акчурина «Методологический принцип единства научного знания и современное понимание Бытия (по Хайдеггеру)» проведен философский анализ современной эпистемологической ситуации в отношении этой важнейшей методологической проблемы — особенно в свете острых дискуссий, касающихся ее понимания постмодернистами наших дней. Автор предлагает пути ее решения в свете идей позднего Хайдеггера о новой «фундаментальной» онтологии, которую он трактует в плане существенного возрастания роли новейших топологических структур современной

математики в гносеологии наших дней, особенно в основных теоретических построениях современной физики и биологии. «Это новое, более глубокое понимание единства современного научного знания представляется совершенно необходимым для сколь-либо перспективного решения почти всех глобальных проблем человечества, связанных с его так называемым «устойчивым развитием».

Второй раздел. «Наука против антинауки», открывается статьей Л.В.Баженова «Анализ антисциентистских тенденций в общественном сознании». Прежде всего выделяются факторы, обуславливающие появление этих тенденций как общецивилизационного порядка, так и специфически российского (советского). Сами тенденции находят выражение, во-первых, в форме критики науки и, во-вторых, в широком распространении верований в существование различных феноменов, традиционной наукой неучитываемых или отвергаемых (парапсихические способности, оккультные явления, НЛЮ, хиромантия, астрология и т. д.).

В критике науки выделяются (и подвергаются в свою очередь критике) три направления, которые (с некоторой условностью) могут быть названы идеологической, методологической и аксиологической критикой науки. В анализе паранаучных феноменов выделяются 4 класса таких феноменов и называются (без претензий на полноту) 7 причин появления и устойчивого существования паранаучных верований. К этим семи причинам общецивилизационного порядка должны быть добавлены три обстоятельства, связанные с российской спецификой: 1) крах государственной идеологии, претендовавшей на научность, 2) превращение религии в моду. 3) ряд особенностей (в статье перечислены четыре) психологи и советского человека.

Г.Я. Мякишев в статье «Наука и паранаука» вначале дает емкую характеристику главной черты науки — системности составляющих ее содержание законов. В современной науке практически все законы взаимосвязаны. После создания классической механики — первой фундаментальной физической теории — вся теоретическая физика в конце концов свелась к небольшому числу (менее десяти) фундаментальных теории, каждая из которых описывает огромный круг явлений. При этом фундаментальные теории связаны друг с другом. Начиная с механики Ньютона и до квантовой теории поля все они имеют общую структуру.

Фундаментальные теории связаны в единое целое принципами симметрии и соответствующими законами сохранения: если обнаружилось бы нарушение сохранения импульса в механике, то это привело бы к несохранению импульса в электродинамике и т. д. Наконец, фундаментальные теории связаны принципом соответствия. Итак, нельзя нарушить малую часть научного знания/не разрушив целое, которое демонстрирует несомненную стабильность. Истина, как любил говорить А. Пуанкаре, плодотворны, когда между ними имеется внутренняя связь. По этой причине ученые верят в незыблемость полученных научных знаний. Если бы, пусть в редчайших случаях, какая-либо фундаментальная теория нарушалась, то, надо ставить крест не только на ней, но и на всей науке. В дальнейшем подробно анализируются различные парафеномены (инопланетяне и НЛЮ, астрологические прогнозы, телекинез, телепатия) и обсуждаются причины доверия людей к шарлатанам, жуликам, чудотворцам и т. д.

В.П.Лебедев в статье «Вечность мифа об экстрасенсорном восприятии (ЭСВ)» обстоятельно прослеживает историю и современное состояние исследований по ЭСВ. Обсуждаются возможности включения этих исследований в систему научных представлений и показывается иллюзорность таких возможностей. У парапсихологии, проводящих эксперименты, в неудачных случаях всегда есть ответ: мы изучаем очень тонкие психические эффекты, и они могут нарушаться от любого незначительного изменения обстановки, например, от отношения присутствующих при опыте к самой проблеме. Если отношение благожелательное, то опыт удастся, а если нет, то не взыщите! Наука объективирует свои результаты; отделяет их от субъективных переживаний экспериментатора. Апелляция к субъективному состоянию, к настроению ученого, от которого может зависеть исход эксперимента, мало чем отличается, от ситуации, когда после необходимых заклинаний и молитв, которые, однако, не помогли людям, объясняют,

что произошло это потому, что те мало в них верили. Обстоятельный анализ различных феноменов ЭСВ (проскопия, телекинез, телепатия и др.) приводит к выводу, что проблема ЭСВ не может быть отнесена к научным и естественно возникает вопрос, что это такое. История появления, например, рассказов об ЭСВ позволяет сделать вывод, что в них имеют дело с фольклором, причем из многочисленных фольклорных жанров, таких, как легенды, сказания, предания, мифы, сказки, былички, истории об ЭСВ по своей конструкции ближе к мифам и быличкам.

К предыдущей статье примыкает статья В.М. Найдыша «Современная наука и квазинаучное мифотворчество». Феномен квазинаучного мифотворчества многопланов, интересен и мало изучен. Он интересен и сам по себе и в контексте тех философских и историко-научных проблем, которые возникают в связи с его существованием, ролью, местом и значением в жизни общества, характером его взаимосвязи с научным познанием, с другими способами духовного освоения мира. Философско-теоретический анализ паракультурных форм сознания надо отличать от того прямого столкновения различных исторических типов мировоззрения, которое характерно для страниц популярных изданий, где обсуждаются очередные квазинаучные «сенсации». За такого рода сенсациями обычно стоит по сути один «вечный вопрос»: является ли квазинаучное мифотворчество величайшим изобретением человеческого (или надчеловеческого) духа, позволившим открыть человеку самые сокровенные тайны бытия (с которым «Повезло» именно нашему поколению), или все-таки мы имеем дело с вечно живущей в человеке неистребимой потребностью в чуде? Квазинаучная мифотворческая деятельность принципиально чужда познавательному, субъект-объектному отношению к миру. Деятельность субъекта в этой форме духовного освоения мира определяется совершенно иными целевыми ориентирами — ценностными факторами, функционирующими в системе субъект-субъектных отношений. По мнению автора, по крайней мере некоторая часть современных квазинаучных мифологем проявляет свое идейное, структурное и генетическое родство с таким, ставшим сейчас уже достаточно редким, но весьма распространенным в России еще в первой трети XX в., жанром устной народной несказочной прозы, как быличка. Обстоятельный анализ быличек делает вполне обоснованным заключение о наслаждении художественной образностью рассказов об НЛО, о снежном человеке, лох-несском чудовище и Бермудском треугольнике. Но не следует спешить снаряжать экспедиции для их исследований. То, что все такие экспедиции до сих пор оказывались безрезультатными, не случайно...

Общий вывод, к которому приходят авторы, можно сформулировать так. Вокруг ценностного статуса науки идет острая идейная борьба, заметно активизируются разнообразные антинаучные настроения и построения.

Однако проведенный анализ дает серьезные основания для оптимистического прогноза; общекультурная ценность научного знания не должна претерпеть в XXI столетии радикальных изменений.